

1.

— Ааа... а? Что?

Варя паялилась в темноту, пытаюсь понять, где она.

Затем, вспомнив, потянулась к любимому. Но руки находили только взбитое одеяло, еще теплое.

Опять.

— Мась? — тихонько позвала Варя, зная, что его нет дома.

Полежала с открытыми глазами. Потом сладко потянулась и закрыла их, хоть спать не хотелось. Совсем.

— Сколько времени? — спросила Варя (почему-то вслух).

Чтобы это понять, надо было включить свет.

«Полпятого. Уже утро...»

Включенный свет означал конец сну. Он был чем-то вроде печати на приказе: «ты не заснешь». Варя подобралась и села на кровати, прислушиваясь к себе.

По всем правилам она должна была ревновать, не находить себе места, ходить из угла в угол и т. п. Тем более, что она почти ничего не знала о своем муже.

Тут же вспомнился запретный ящичек на замке...

Но правила почему-то не действовали. Варе было не тревожно, а азартно и жутко, и жуть была не тоскливой, а детской, ночной, когда ждешь Бабая из темноты, хоть и знаешь, что Бабаев не бывает.

Варя даже знала, почему: телу было так хорошо после вчерашнего, что мозг просто не мог заставить себя тревожиться и подозревать. Мась так делал с ней Это, что Варино тело, а с ним и душа цвели в вечном раю. Весь ее брак был чередой сексуальных потрясений, одно ослепительней другого, а промежутки делились на долгие, мучительно-сладкие и стыдные прелюдии. Мир казался ей умытым и цветным, как в мультиках Миядзакэ.

Это было так удивительно, что Варя до сих пор не успела всеразложить по полочкам. Уже три месяца она была в браке — в самом настоящем, всамделишном браке, с платьем, кольцами и ЗАГСом. Каких-нибудь полгода назад Варя подумать не могла о таких вещах, и страшно удивилась бы, узнав, что в восемнадцать выйдет замуж за сорокалетнего кавказца.

Все случилось быстро и стремительно. Поступив в столичный вуз, она, застенчивая отличница с косой, стала искать работу, как и все провинциалы. Ее приняли в один из московских офисов, где Варя отсиживала за компьютером свои три дня в неделю.

С синещекиным Максудом Асафовичем, директором фирмы, она познакомилась в первый же день.

— Ай, какая коса, какая коса... А гдэ лэнты?

Он казался обаятельным и красивым, как демон. Варя никогда не встречала живых кавказцев, но слышала о них все, что полагается. Шеф внушал ей священный ужас, и Варя думала о нем день и ночь напролет, не проговаривая того, как это могло называться. (Тем более, что «влюбилась» выглядело в ее представлении совсем иначе.) Она пыталась выкинуть синещекого демона из головы, но это оказалось еще трудней, чем «не думать о зеленой корове». С каждым днем Варя запутывалась все больше и больше.

Демон, конечно, не отказывал себе в удовольствии засмущать ее до икоты. Проходя мимо, он останавливался потрогать ее за плечо или за руку, как свою собственность. От таких прикосновений по Варе пробегала дрожь, будто ей щекотали пятки. Максуд Асафович шутил над ней, а Варя хихикала, как идиотка, и ненавидела себя за это.

Она уже всерьез собиралась увольняться, как вдруг дело приняло совсем неожиданный оборот.

Однажды он вызвал ее к себе. Холодок, зудевший в Вариных печенках, распространялся по телу с чудовищной быстротой, и в кабинет она вошла на негнущихся ногах.

— Садысь, Варя.

Как обычно, он улыбался. Варе стало еще страшнее.

— Нэ буду мучать тэбя, сразу пэрэйду к дэлу. У меня нэожиданное прэджоэние. Я хочу... эээ... в общэм, вихады, Варя, за мэня замуж.

Нервы были на пределе, и Варя не выдержала.

— Чэго ты смэешся? Я нэ шучу...

Вдруг подумалось, что она могла обидеть его. Варя замочла, будто подавилась.

— Я совэршэнно сэрьезно. Рэшил нэ вилять, а быть с тобой откровэнним. Я нэ пью, наркотики нэ прынимаю. Врэдных привычэк нэт, кроме курэния. Балшой кавказской сэмы тоже нэт — ни мамы, ни папы, ни родни. Одын на бэлом свэте, сырота горэмычная. В хыджаб тэбя кутать нэ буду. Дэнги есть... Что скажэш, Варя?

— Ааа... эээ...

Это было настолько невозможно, что Варя даже приблизительно не представляла, что ей говорить.

— Я понымаю, все понымаю... Подумай. Толко сэрьезно, ладно?

— Мне... посоветоваться... с мамой... — пролепетала наконец Варя.

— Лучшэ бэз мамы, ладно? Пусть это будэт твое решэние. Что скажэт мама — и так понятно. Ми с тобой и так это знаэм.

Варя подняла глаза. Синещекий демон серьезно, не улыбаясь, смотрел на нее. Только черные его глаза маслились, как у всех восточных людей, и не было понятно, смеются они или нет.

— А... зачем? Почему?

Варя хотела спросить длиннее, но остальные слова проглотились.

Максуд Асафович вздохнул.

— Ну харашо. Буду с тобой савсэм откровэнним. У мэня никогда нэ было сэмы, дэтэй. Я ужэ маладой чэловэк дэсятой молодости, Варя. Скоро надо будэт думать о вэчном. Нэ думай, что я просто хачу маладую дэвочку. Знаэш, сколько у мэня было таких дэвочэк? Одно дэло дэвочки, и другое — сэмы. Ты красывая, Варя, и я вижу, что не савсэм пратывэн тэбе. Я нэ буду ни в чем тэбя ограничивать. Мнэ надо только, чтобы ты была со мной и родыла мнэ рэбенка. А потом — учись гдэ хочэш, работай гдэ хочэш. Хоть в космос лэтай. Ты молодая, ничэго от тэбя нэ уйдэт. Буду любыть тэбя и заботытца, как о родной дочэри. Давно хотэл такую дочку, как ты...

После этого разговора Варя провела самую ужасную ночь в своей жизни. Половину ее она проревела, представляя, как мама прокликает ее, половину пролежала, глядя в темноту.

Обошлось без маминых проклятий. После недели уговоров и слез мама вежливо улыбалась новоявленному зятю, хоть и вздыхала, стоило тому отвернуться. Обалдевшая Варя не понимала, как вести себя в этом сне наяву. Она смотрела на красивого черноглазого дядьку,

которого называли ее женихом, и думала, что ее околдовали, и надо произнести какое-то заклинание, чтобы все кончилось. Но Варя не хотела, чтобы все кончалось.

Когда она впервые поцеловалась с ним (это было в ЗАГСе, по команде завитой тети с брошкой) — вкус его губ, сладковатых, с какой-то стыдной кислинкой, от которой холодило грудь, заставил Варю покраснеть до корней волос. Она вдруг поняла: то, чего все это время она боялась и ждала, будет с ней сегодня.

К ночи они остались одни — Варя и совершенно незнакомый ей человек, которому она теперь принадлежала. Варя чувствовала это именно так: она добровольно продалась в рабство. Это было так невозможно, что ей просто не хватало нервов бояться.

Максуд Асафович спросил ее, занималась ли она сексом раньше, и потом сказал:

— Ти будэш сильно стэсняться, Варя. Я так думаю. Давай, чтобы тебе било лэгче, мы завяжэм тебе глаза.

Она не успела понять, согласна она или нет, как ее лицо обхватила черная повязка. Варе показалось, что в этот момент закончилась ее привычная реальность и началась какая-то новая, невозможная, будто она вступила в царство снов.

Это и было похоже на сон — обволакивающий, окутывающий дурманом прикосновений и ласк. Требовательные руки сняли с нее платье, потом лифчик, трусы... «Голая» — думала Варя. Под черным бархатом повязки казалось, что это не по-настоящему, и потому не стыдно и не страшно. Руки щупали ее сверху донизу, и Варе мерещилось, что они что-то говорят ей без слов, и она вот-вот поймет их. Понемногу, постепенно они вливали в ее тело томную кислинку, такую же, какая была в губах Максуда Асафовича. Варя острее чувствовала свою наготу — странный, обжигающий крик тела, открытого всем ветрам. Руки мяли ей грудь, бедра и всю её, как восковую; Варя расслабилась и отдалась им, уплывая в искрящуюся темноту. Ей было неопишимо приятно, хоть это и не имело ничего общего с любовью, как она себе ее представляла. Это было похоже на внезапное освобождение от чего-то, что давило и сковывало, а сейчас вдруг ушло, выпустив Варю на волю.

Она не заметила, когда требовательные руки проникли ей между ног. Ей хотелось виться вьюном, и она вилась, утопая в бархатной черноте своего сна. Прикосновения к клитору вдруг стали убийственно нежными и скользкими, и Варя закричала; а крикнув — вдруг поняла, что стонет уже давно. Влажное жало между ног юлило и щекотало, купая ее в искристых соцветиях. Варя чувствовала, что вот-вот кончит, и улыбалась от предвкушения... Когда сладкая судорога наконец отпустила тело, с Вари сняли повязку. В глаза ударил свет, показавшийся ей ослепительным, хоть это был всего лишь ночник.

Над ней склонилось синешекое лицо.

— А... — Варя смотрела на член, казавшийся ей настоящей башней, на собственное голое тело — и холодела.

— Ну что ти. Это была просто размынка, чтобы ти нэмого расслабылас. У нас эще много, много работы. Вся ночь впэрэди...

Не одеваясь, Максуд Асафович налил вина в высокие бокалы, и голая Варя выпила с ним. Он нежно говорил с ней, целовал ей пальцы, и Варе казалось, что она на каком-то волнующем обряде. Ей почти не было стыдно, было только очень, очень странно и необычно.

Максуд Асафович смочил палец вином и смазал Варины соски.

— Все нэ пей, хорошо? Эще прыгодится.

Потом обнял ее и увлек в постель.

На этот раз обошлось без повязки, и Варя увидела наяву все, что чувствовала в первый раз. Он целовал ее в рот, в интимный уголок и снова в рот, и Варя чувствовала на его губах соль своих соков. С каждой минутой было все томительней и острее ласкаться; стыда не было и в помине — вместо него было головокружительное чувство приключения, то ли опасного, то ли нет.

Максуд Асафович снова довел ее до оргазма. Когда Варя выгнулась, он забрался на нее — и... Ошеломленная Варя не понимала, где кончился оргазм и началось Это, — а Максуд Асафович ловко и умело буравил ее, вдавливаясь сильными, быстрыми движениями глубоко вовнутрь. Варя кричала, выпучив глаза, то ли от боли, то ли от наслаждения, то ли от того и другого сразу...

Залив ее утробу лавиной горячего семени (это было так странно, что Варя даже перестала кричать), он чмокнул ее в кончик носа и сказал:

— Поздравляю.

Обомлевшая Варя ощутила нечто вроде гордости. У нее звенело в ушах, в теле гудели томные токи, и она улыбалась мужу, будто тот похвалил ее.

Максуд Асафович смахнул по капле Вариной крови в ее и в свой бокал. Капли закружились бордовыми сгустками.

— Пэй! Это твоя дэвствэнность.

По коже пробежали мурашки. Варя глотнула, глянув на свой интимный уголок, измазанный в крови, потом на мужа...

Он поймел ее снова — по-взрослому, без церемоний, хоть и без лишней грубости. Варе было совсем не больно; особого наслаждения тоже не было, но сама ситуация будоражила нервы, как жестокий триллер, и Варя скулила от переживаний. Влив в нее новую горячую лавину, Максуд Асафович отдышался и лизнул ее в левый сосок:

— Кыслэнькый. Как барбарыска. Знаэш, такая конфэтка есть?

— Конечно, знаю, — улыбнулась Варя.

— А тэпэр дэсэрт.

Чмокнув ее в нос (Варе очень нравилось, когда он так делал), муж достал какое-то масло и стал растирать разгоряченное тело. Потом начал ласкать ей клитор, одновременно массируя какие-то точки на теле. В Варе сразу взбухли волны сильного, терпкого возбуждения, какого она не чувствовала никогда раньше; стало страшно, и — остро захотелось кончить (оргазм вдруг защекотал рядом, совсем рядом). Муж продолжал ласкать ее, проникая пальцами в проделанный им ход — все глубже и глубже. Было больно, но возбуждение нарастало, и Варя терпела, сцепив зубы. Вдруг ласкающие пальцы нащупали какую-то точку...

Это невозможно описать никакими словами. Листы покрывала тонкая арабская вязь.

«Наверно, Коран. Или Тысяча и одна ночь...» Как раз недавно Варя прочитала «Тысяча и одну ночь», воображая себя по очереди всеми царевнами, которых страстно сношали ифриты и джинны. Эта книжка раздражила Варину фантазию настолько, что она кричала под мужем вдвое громче, а кончала вдвое сильнее.

«Неужели это та самая Тысяча и одна ночь?» — думала Варя, благоговейно перелистывая древние страницы. На одной из них была нарисована жуткая черная харя с круглыми белками глаз. «Наверно, джинн...»

Вдруг она подавилась от ужаса: рожа подмигнула ей.

«Не проснулась еще... мерещится...» — пронеслось в голове.

Варя хотела захлопнуть тяжелую книжку и плюхнуться в спасительную постель, — но джинн снова подмигнул ей, и Варя застыла, будто ее парализовало.

А тот вдруг высунул черную, как у орангутана, голову прямо из книжки, повел носом — и вырвался вверх в вихре искр, опалив Варю нос.

— Ахахахаха!... — хохотал он, расправляя плечи. — Наконэц-то! Наконэц-то! НАКОНЭЦ-ТО!!! ... — выкрикнул он, вылетая в окно.

В книге, раскрытой у Вари на коленях, зияла пустая рамка.

— АААААА! АААА! — услышала она вдруг свой собственный крик. — Аааааа!..

Крик подгонял ее, как метла: подбросил с дивана, сунул книгу Вариними руками обратно в ящик, повернул ключ, чуть не сломав его, потащил Варю за собой и швырнул в постель, в спасительные подушки, где не было никаких книг и никаких джиннов...

От ужаса Варя не заметила, как уснула. Сон ее был душным, темным, из него хотелось вырваться, как из удавки, и Варя вырвалась отчаянным усилием воли в явь.

— Что такое? — спросил знакомый голос. — Тэбе прыснился кошмар?

Варя нащупала спасительное тело и зарылась в него, как карапуз. «Только не открывай глаза» — шептал ей какой-то голос. — «Только не открывай... не открывай...»

Варю и самой не хотелось открывать, но все-таки она открыла, на всякий случай похолодев. В комнате горел все тот же тусклый свет. Рядом был муж. Кроме них, в комнате никого не было. Все вроде бы было нормально, и можно было вздохнуть с облегчением...

«Зачем ты открыла глаза? Зачем?!...» — надрывался тот самый голос.

Варя хотела снова закрыть их, но не успела: высокое старинное зеркало, стоявшее в углу, вдруг поплыло, как в тумане.

Варя почувствовала, как ледяной спазм сдавливает ей грудь, горло и глаза. Из зеркального тумана вначале донесся тот самый хохот, а потом высунулась черная рожа, и вслед за ней — весь огромный черный джинн, похожий на быка, вставшего на задние ноги...

— Ахахахаха! — гоготал он. — Гаварыл тэбе Максуд — нэ открывай ящик! Гаварыл! Поздно! Поздно!... — рокотал и хохотал он, подступая к ним. Обледеневшая Варя чувствовала, что муж, которого она обнимала, испаряется из ее объятий, как туман, и перетекает к джинну, обвиваясь вокруг него прозрачной спиралью. Только пронзительный взгляд, полный упрека, кольнул напоследок Варю — и расточился в тумане, уплывая в голубую муть зеркала...

— ... А? Что? Мась! Мааааась! — кричала Варя, вертя головой.

В комнате никого не было. Горел все тот же тусклый свет. На потолке осталась полоса синей копоти.

Зеркало стояло в углу. Варя вскочила и подбежала к нему, вглядываясь в отражение.

Ничего особенного там не было. Зеркало отражало, как ему и полагалось, часть комнаты и саму Варю — бледную, с круглыми горящими глазами

Варя смотрела в него, затаив дыхание, минут пять или больше. И когда, выдохнув, хотела отвернуться — по зеркалу пошла та самая рябь...

— Глупая, глупая дэвушка! — услышала холодеющая Варя.

— Кто? Кто говорит? — крикнула она, повернувшись к зеркалу.

— Я говорю, — отвечала ей рябь. — Я, валшэбное зэркало Сулэймана. Синий ифрыт Максуд ыбн Асаф, сбэжав в этот варварский мир от сваего врага, джинна Омара ыбн Рушда, захватыл мэня для связы со сваим миром. Аллах, ну как жэ пратывно осквэрнять свой язык вашим варварским нарэчием!..

— Синий ифрит?... Где мой муж? Что теперь с ним будет? Его... его убьют? — дрожащим голосом спросила Варя.

— Хо-хо! Ты его болше никогда нэ увидишь. Хотя...

— Что? Что нужно сделать?

— Есть одна лэгэнда. Но...

— Какая?

— Слюший мэня, дэвушка, — помолчав, заговорило зеркало. — Эсли ти прямо сэйчас, вот прямо сэйчас, бросыв все, отправышся в мой мир...

— Конечно! Я готова!

— Нэ пэрэбывай!... Когда ти окажэшся там, ти будэш понимать наш язык, как свой. То, о чем папросыт тэбя пэрвий же встрэчний, тэбе нужно будэт дэлать там все врэмья. Тогда ти сможэш остаться в нашэм мире. Запомныла?

— Да! Но как мне найти мужа?

— Нэ знаю. Ищы. Ти должна будэш узнать его. Он можэт прынять какой-нибудь савсэм другой облык, чтобы спрятаться от сваего врага. Ищы, сколько хватыт тэрпэния. А тэпер — или ти идешь, или навсэгда остаешся в своем мире. Раз! Два!..

— Иду! Иду! А куда идти-то?

— Вот глупая дэвчонка! В мэня! Два с половиной!..

Зажмурившись, Варя нырнула в зеркало.

Лоб ни обо что не стукнулся. Открыв глаза, Варя увидела вокруг свою же комнату — но только наоборот. Справа налево.

«Конечно. Я же в зазеркалье», подумала Варя.

— Куда дальше? — спросила она у зеркала.

Но оно молчало. Никакой ряби на нем не было — обыкновенное стекло.

На миг Варю кольнула зябкая, как сквозняк, мысль. Ужасно захотелось попробовать сунуть обратно, в предзеркальный мир, хотя бы палец.

Пересилив себя, Варя отвернулась.

— Наверно, нужно выбратся из квартиры, — сказала она себе.

За дверью был не наоборотошний коридор, и за ним — не зазеркальная Москва, как она думала. В глаза Варе вдруг ударил яркий свет — такой яркий, что некоторое время ее глаза ничего не видели.

Когда она проморгалась — увидела перед собой выжженную степь, и по ней — дорогу, покрытую размокшей пылью. Как видно, недавно прошел дождь, и пыль слиплась в рыжее месиво.

На горизонте виднелись очертания какого-то города.

Варя снова зажмурилась, глубоко вздохнула, открыла глаза — и ступила босой ногой на дорогу, блестящую на солнце. Дорога чавкнула, и сквозь пальцы пролезли рыжие глиняные червячки.

Варю передернула брезгливая судорога. Она осторожно ступила в грязь второй ногой — и, чавкая, медленно пошла вперед, расставляя руки, чтобы не поскользнуться. Ноги моментально отяжелели, одевшись в глиняные калоши выше щиколоток.

Варя морщилась, кривилась и шла, плюхая ступнями по рыжему студню. Ужасно хотелось повернуть обратно, но она не останавливалась и шла вперед, отдаляясь все дальше от двери, от зеркала Сулеймана и от своего мира.

Пекло обжигающее солнце. Вдалеке виднелись минареты, купола и башни, как на старых картинках. Они плыли в жарком мареве, как прозрачные, и Варя думала, не мираж ли это. Навстречу Варю двигались далекие точки — путники верхом на лошадях или на верблюдах. Чем ближе они были — тем больше Варю кололо под ложечкой. «А ведь я в одной ночнушке», думала она...

Невыносимо хотелось пить. Пройдя полкилометра, Варя совершенно обессилела. Когда путники поравнялись с ней, она крикнула им:

— Простите! Извините!..

Трое мужчин — двое на одном верблюде и один на другом — придержали животных и посмотрели на Варю так, что ее пробрала зябкая оскомина, несмотря на жару.

— Извините! Не подскажите, что это там за город? Далеко до него? И... может, у вас есть немножко попить?..

Путники переглянулись и расхохотались. Варю снова пробрала оскомина — вдвое сильнее.

— Глоток воды — ничтожная цена за такую шлюшку, клянусь своим гаремом! — сказал один из них.

— Откуда ты взялась, что не знаешь великого города Авксума и как к нему добраться? — спросил другой.

— Пешком, раздетая... Видать, опоили опиумом да и бросили, — добавил третий.

— Почему вы... думаете, что я шлюха? — спросила Варя.

Путники, казалось, были безмерно удивлены.

— А кто ты? — спросил один из них таким тоном, будто спрашивал «ты действительно думаешь, что ты Наполеон?»

— Я... неважно, кто я. Я иду искать своего мужа, ифрита Максуда ибн Асафа! — с вызовом заявила Варя.

Путники снова переглянулись и расхохотались вдвое громче.

— Вот что делает с правоверными опий! Ай-яй-яй! — покачал головой один.

— Ничего, сейчас мигом протрезвеет, — сказал один и спешился. — Ничего так не отрезвляет шлюху, как хорошая ебля, клянусь подвалами эмира!

Варя пятилась, чавкая грязью, а здоровенный лысый мужик, обмотанный грязными цветными тряпками, скалил желтые зубы и шел прямо на нее...

Поскользнувшись, Варя шлепнулась в глину, облепившую ночнушку теплым киселем.

— Ай, ай! В соусе молодая плоть еще вкусней, — ухмылялся тот. Двое других тоже спешились и приближались к Варю, вжавшейся в грязь.

— Я не шлюха! Вы ошиблись! Я... я... — пищала она.

— Ну как же не шлюха? Ай, ай, — укоризненно качал головой лысый, возвышаясь на Варю.

— Простоволосая, с голыми ногами, сиськи торчком...

То, о чем папросыт тэбя пэрвий же встрэчний, тэбе нужно будэт дэлать там все врэмья, — вдруг вспомнилось ей.

Варя почувствовала, как ее сердце проваливается куда-то в печенки. Встав, она дала шершавым рукам стащить с себя ночнушку, мазнувшую грязью по лицу и волосам...

Три пары рук лапали ее тело, размазывая по нему теплую глину. Было невыносимо стыдно и странно, и нервы колол мятный холод, и во рту отдавало горькой солью... Два рта слюнявили ей оба соска сразу, а задницу, бедра и срамоту тискали, смачно шлепали и терли жадные руки. Казалось, они принадлежали многоротому, многоликому джинну, который хотел заживо

сожрать ее...

Потом Варю повалили на обочине, где было посуше. На нее по очереди влезали потные, тяжелые тела и выдалбливали меж разведенных ног жаркий ритм. Каменные члены врывались в Варю, как в масло, натягивали ее до ребер и заливали нутро горячими фонтанами — снова, снова и снова, пока разъезжанную утробу не свело кисло-соленым спазмом, и Варя, одуревшая от животной похоти, не выпустила в своих любовников мутный фонтан, извиваясь в грязи. Вокруг загоготали, и потом три пары рук шлепали и тискали ее, мыльную от глины и спермы, как лошадь или собаку.

Варя потеряла счет, сколько раз ее выебли. Отвращение, распиравшее нервы сильнее похоти, засело склизким комом в горле, и чем дальше, тем сильнее ее тошнило — то ли от брезгливости, то ли от мучительных оргазмов, не отпускавших горящую утробу.

В конце концов ее подняли, поставили на ноги, которые разъезжались в стороны, как у теленка, влили в горло какого-то обжигающего пойла, навьючили на верблюда, как мешок, и куда-то повезли.

— Не велит Аллах такую горячую кобылку на дороге бросать, — слышала Варя сквозь звон в ушах.

Она была голой и вывалянной в грязи, как котлета в соусе (ночнушка ее так и осталась на обочине). Грязь стекала с волос на щеки и шею, и у Вари не было сил вытереться.

— Куда мы едем? — спросила она, едва раскрывая рот.

— Как куда? В славный город Авксом, где ты сможешь принести много пользы правоверным, клянусь твоим сладким лоном!

— А... почему мы едем в другую сторону?

— Никогда не слыхал таких странных вопросов! Все правоверные знают, что город Авксом заколдован, и попасть в него можно, только направляясь не к нему, а от него...

«Ну да. Я же в зазеркалье», — вспоминала Варя. — «Итак, теперь я шлюха. Каково это?» — спрашивала она себя, думая об этом со странной гордостью.

После оргазмов тело растекалось патокой, мозг обволокло жаркое марево, и Варя отдалась ему, отключаясь от дороги, любовников и своих мыслей...

2.

... Однажды вечером неотразимая Барбарис, перебирая драгоценности в резных ларцах, обнаружила потертую медную подвеску.

Задумчиво уставившись на нее, она вертела бурую, тронутую прозеленью медную пластинку в тонких пальцах, покрытых узорами менди. Пластинка пробудила целый рой воспоминаний, и он вторгся в голову прекрасной Барбарис, вытеснив мысли о текущих делах...

Это был первый ее значок, подтверждающий, что она может выбирать клиентов по своему усмотрению, а не отдаваться всем и каждому. Такие значки выдавали самым прибыльным шлюхам в славном городе Авксоме, где Барбарис начинала свой долгий путь.

Опустив голову, она снова вспоминала то, что улетучилось на дальний край ее памяти — как ее привезли в Авксом, вымыли, выставили голышом на невольничьем рынке, и как она вздрагивала, когда покупатели дергали ей соски и щупали, как сочится ее лоно, чтобы проверить, достаточно ли она страстна...

Ее тогда купил пожилой сутенер, господин Маджуд. Приведя Барбарис к себе, он поимел ее, чтобы проверить новую шлюху в деле, затем, выдохшись, позвал двух мулатов, и те два часа дырявили очумевшую Барбарис со всех сторон сразу, пока та не потеряла сознание от ебли,

бешеной, как волчий гон. Ей выбрили голову налысо, как и всем начинающим шлюхам Авксома, покрыли череп болючей татуировкой — «клеймом любви», разъяняющим, кто она такая, — и лысая Барбарис приступила к работе. Лиловую вязь и сейчас было видно сквозь корни густых волос, отросших за двенадцать лет до пояса. Барбарис чернила их басмой — природный пепельно-русый цвет делал ее слишком заметной в мире жгучих брюнетов.

Она была красивей других шлюх, еблась не лениво, как они, а отчаянно, выплескивая всю себя, и быстро стала самой популярной блядью Авксома. Откупившись от сутенера, она стала содержанкой порочной знати, раз в месяц-полтора меняя любовника и жилье.

Барбарис ни на секунду не забывала о том, что привело ее в вонючий, слепяще жаркий и душный Авксом. Убедившись, что все расспросы о синем ифрите Максуде ибн Асафе вызывают только смех и недоумение (в ифритов там верили немногим больше, чем в ее родном мире), Барбарис стала забрасывать удочки к странствующим торговцам, воинам и искателям приключений.

Она объехала с ними все моря и океаны, побывала во всех городах, раздвигала ноги для мужских дрынов всех размеров и цветов кожи... Однажды она потерпела кораблекрушение, и ее, обезумевшую от жажды и зноя, подобрал чернокожий рыбак, говоривший на языке, который напоминал птичий щебет. В другой раз ее похитила птица Рухх, и Барбарис чуть не задохнулась от вони в ее гнезде, густо выложенном падалью. Гигантский птенец тогда отщипнул два пальца от ее левой ноги, и с тех пор Барбарис никогда не снимала шелковых чулок...

Постепенно ее цель расплывалась, превращаясь в навязчивую идею, которой нужно было следовать просто потому, что так надо. Барбарис странствовала из города в город, из царства в царство, выискивая кого-то, хоть уже и сама не помнила толком, кого и зачем ищет. Мир, в котором она родилась и выросла, превратился в соцветия мутных снов. Барбарис избегала воспоминаний, чтобы окончательно не запутаться и не смешать карты текущих дел.

А дел этих было немало. Осев после долгих странствий в городе Хирабе, она проникла в постель к лучшим людям, включая султана, и мало-помалу стала самой влиятельной женщиной города. У нее был свой роскошный дом, доверху набитый всевозможными диковинами Востока и Запада. Барбарис была в зените своей красоты, которую удерживала в себе всеми силами и знаниями хирабской косметологии. Она была властной, коварной и циничной хозяйкой Хираба...

Тряхнув головой, она сунула медную подвеску обратно в ларец. Затем встала и, накинув на холеное тело халат, сотканый из воздушного аджумского шелка, спустилась вниз.

Воспоминания давили ее, и Барбарис хотелось на воздух.

Выйдя во двор, она села у фонтана, звеневшего круглые сутки, как серебрянная цитра. Потом вскочила и, оглянувшись, пошла к выходу.

Но тут же отпрянула.

— Кто здесь?

— Благородная госпожа, простите, простите, простите! — бормотал мальчишеский голос. — Да отпадут мои очи, да потухнет взор, осквернивший...

— Кто ты такой? Что делаешь здесь?

— Благородная госпожа, молю, умоляю вас — не гоните меня! Позвольте побыть здесь одну четверть... нет, одну четверть четверти ночи! Я... меня...

— Ты прячешься? Тебя ищут?

— Догадливость благородной госпожи столь же велики, сколь и ее... Ах! Они идут! Горе мне, горе!..

С улицы, из-за стены донеслись голоса стражников, оживленно обсуждающих что-то.

— Не хнычь! Здесь тебя никто не найдет, пока я этого не захочу. Почему я должна прятать тебя? Наверное, ты что-нибудь украл?

— Никто, никто и никогда из моего дома не осквернял себя воровством! — спесиво ответил голос, погрубев от обиды.

— Из какого дома?

— Из дома Аль-Джезран! Я — наследник рода, столь же древнего, сколь и славного, и...

— Пстой! — Барбарис подошла ближе, с интересом вглядываясь в темный силуэт. — Не ты ли тот самый юноша, о котором говорят, что его любвеобильная мамаша сошла с ума и держит его в пеленках, хоть у него уже и растут усы?

— Не знаю, о госпожа, что говорят рыночные сплетни и портовые байки, — надменно произнес мальчишка. — Но, если говорить обо мне, такое описание представляется, несмотря на оскорбительный тон, весьма близким к истине...

— Как ты попал сюда?

— Перелез через стену.

— Хм! И не попал в капканы от воров? Тебе везет, юный отпрыск Аль-Джезрана! Ты знаешь, с кем говоришь?

— Судя по всему, я могу предположить, что...

Не дожидаясь, пока он договорит, Барбарис потянулась к его уху и что-то шепнула ему, обдав ароматом благовоний. Мальчишка ахнул:

— Как! Вы — та самая госпожа Барбарис, которую...

— Которую твоя мать называла портовой шлюхой, узурпировавшей город, грязной чужестранкой, ухватившей за яйца султана и всех его визирей, и другими примечательными наименованиями? Должна признать, что, в общем, она права. Но пойдем наверх, в мою опочивальню, и там ты расскажешь мне свою историю. Как тебя зовут?

— Малыш.

— Как?..

— Так меня называла мать, и вслед за ней — все няньки-мамки.

— Няньки-мамки?... Сколько же тебе лет?

— В моих покоях отсутствует календарь, но, проникнув однажды в мамин архив, я выяснил, что она родила меня восемнадцать зим назад...

Поднявшись с ним на второй этаж, Барбарис наконец смогла разглядеть его в тусклом свете масляной лампы.

— А ты красивый. Даже очень, — сказала она с ласковой ноткой, какой не ожидала сама от себя.

Черноглазый Малыш с пушистыми щеками, не знавшими бритвы, кого-то смутно напоминал ей. Это было неудивительно: в жизни Барбарис были тысячи, десятки тысяч мужчин, и среди них наверняка нашлись бы две-три дюжины похожих на Малыша.

Ситуация все больше занимала ее. Усадив Малыша рядом с собой — прямо на кровать — она сказала:

— Продолжай. Я слушаю тебя.

Но тот мялся, опустив голову.

— Что случилось? Тебе жестко сидеть? В твоём доме более мягкие кровати? Или ты боишься, что тебя здесь найдут стражники? — насмешливо вопрошала Барбарис.

— Нет... Просто...

— Что?

— Просто я ещё никогда не был в женской опочивальне. Кроме маминой. Но это... это совсем другое дело...

— И никогда не видел так близко молодых женщин? Верно?

Малыш молчал.

Барбарис подседа поближе.

— Посмотри на меня, — сказала она, приподняв пальцем его подбородок. — Ну же, Малыш! Тот поднял глаза, блестящие желтыми отблесками лампы. Барбарис улыбнулась ему:

— Ты милый, — сказала она и легонько коснулась губами его губ. Малыш вздрогнул. — Не бойся меня. Ты убежал от маминой опеки?

— Да... Она и слышать не хотела, чтобы я учился верховой езде, учился владеть саблей и кинжалом... Она хотела, чтобы я всегда носил детское платье. С ней я никогда не стал бы мужчиной...

— Ты уже мужчина, — сказала Барбарис. — Раз сделал то, что сделал. ПОЧТИ мужчина...

— Почти?..

Не отвечая, Барбарис загадочно смотрела на него вполборота. Потом чуть приспустила халат, обнажив плечи и верх груди:

— Жарко... Расскажи, что ты чувствовал, когда видел молодых женщин и девушек?

— Я никогда не видел их близко и не говорил с ними... Только однажды... Случайно, на улице... Маме я не рассказал, конечно, и никому никогда...

— Она поцеловала тебя?

— Нет. Мы... просто поговорили. И я... попросил у нее разрешения подержаться за ее руку. И она разрешила... А дома...

— Я знаю, что было дома, — шепнула ему Барбарис. Невинный Малыш вдруг взволновал ее пресыщенное лоно, и оно уже маслилось и ныло, требуя мужского внимания. Она приспустила халат ещё ниже: — Знаю, но тоже никому не скажу.

— Можно...

— Что?

— Можно потрогать...

— Что именно?

Малыш молчал, застыдившись до немоты. Рассмеявшись, Барбарис взяла его руку и положила себе на грудь. Малыш задышал часто-часто, будто ему было больно.

— Ну что же ты? Хотел трогать — так трогай, — шептала Барбарис. Рука Малыша проползла по ее груди, робко щупая ее мягкость, как щупают спелые фрукты, боясь раздавить их. Доползла до ворота — и застыла.

Барбарис хихикнула и сбросила халат.

— Чтобы не мешал, — сказала она, наслаждаясь видом Малыша и своим бесстыдством, которое давно уже не приносило ей такого удовольствия. «Я возбуждена, как мартовская кошка», — думала она. — «Такого не было с тех пор, как я... как меня... Однако, не стоит торопиться». Прильнув к Малышу, она стала целовать его в губы — не так, как первый раз, а чувственно, всем своим умелым ртом, хоть и без лишней прыти — скорее нежно, чем

страстно.

Потрясенный Малыш подвывал, захлебываясь ее губами. Покрыв поцелуями его щеки и шею, Барбарис столкнула его с кровати:

— Встань передо мной... Встань, Малыш, — ворковала она.

Малыш поднялся, выставив вперед бугор, распиравший одежду. Нежно, смакуя каждое прикосновение, Барбарис спустила ему шаровары, добыв вздыбленный, как портовая пушка, член, и забавлялась им, постепенно усиливая ласки. Когда она щекотнула языком уздечку, и потом взяла в рот громадный конец, который едва поместился туда, и обволокла его скользким коконом — Малыш, давно уже скуливший, как щенок, вдруг схватил ее за волосы и стал судорожно долбить в рот, вталкивая туда плюющийся член. Так хирабский палач вбивал клин в горло воровкам и фальшивомонетчицам... От неожиданности Барбарис подавилась.

— Ого! Ну и прыть, — сказала она, прокашлявшись от спермы, залепившей ей горло.

— Благородная госпожа, простите меня, простите, не знаю, что на меня нашло...

— Зато я знаю, — обняла его Барбарис и стала раздевать, целуя то, что обнажали ее руки.

Малыш скулил от ее ласк.

Вскоре он, раздетый, как и она, лежал с ней в постели и жадно щупал ее сверху донизу, набухая, как губка, всем, что видели его глаза и осязали его руки. Неутомимый молодой конец снова вздыбился и колотил Барбарис в бок. Изнывая от похоти, она расставила ноги, пристроила Малыша к себе — и втянула его своим бездонным лоном, нашептывая:

— А теперь толкай меня туда-сюда, туда-сюда... как ты делал в рот... Дааа! вот таааак!... сильнее, сильнее, не бойся... Еще сильнее! Еще! еще, еще... Ааааааоооу!

Член, огромный, как слоновий бивень, пронзал ее насквозь, наполняя тело новыми, непривычными токами, и Барбарис с удивлением почувствовала, что сейчас кончит.

«Ай да Малыш» — думала она и кричала: — Еще! Еще! Сильней, глубже... давай, давай, Малыш, давай, мальчишечка, давай еще, еще... аааааа! АААААААА!!! ..

Малыш надрывался с ней, расплескиваясь в пылающей глубине. Они орали дуэтом, вдавливаясь лобками друг в друга так, что волосы из Малышова паха вращались в Барбарис...

— Ну и ну. Что ты со мной сделал, Малыш? — спрашивала она, когда отдышалась.

Малыш не мог говорить, и она гладила и целовала его по всему телу, выплескивая нежность, которую приходилось держать в себе, ибо она была не в чести у ее любовников, любивших грубое, животное сношение...

— Целуй, — потребовала она, ткнувшись соском в нос Малышу.

Тот взял руками ее грудь, большую, упругую, как манго, и осторожно лизнул.

— Кисленький, — сказал он хриплым, как после болезни, голосом. — Похож на барбарис. Знаешь, такие сладости бывают?..

Барбарис вдруг дернулась.

— Что такое? — спросил Малыш. — Я сделал тебе больно?

Она не отвечала. В ней волчком вертелось какое-то воспоминание, ужасно важное и болезненное, и никак не хотело поддаваться, ускользая куда-то в ночную муть. Черные, масляные глаза Малыша в упор смотрели на нее...

Вдруг Барбарис поняла, что ее воспоминание — это имя, какое-то имя из нескольких, как ей казалось, слов.

Малыш молчал, пристально глядя ей в глаза.

«Он понимает», — думала Барбарис, чувствуя, как мурашки бегут по ее телу. — «Понимает и ждет... « Заветное имя выглядывало откуда-то из давних воспоминаний, куда более давних, чем медная пластина с прозеленью, и Барбарис никак не могла подцепить его, с ужасом понимая, что оно вот-вот уползет обратно во тьму...

И вдруг вместо нескольких слов в ней, будто ниоткуда, зазвучало одно.

Повинуясь импульсу, Барбарис произнесла на странном, давно забытом языке:

— Мась?..

И сразу же в ней сложилась и расцвела яркая, обжигающая картина; и сразу же красивое лицо Малыша, отблескивавшее бликами лампы, стало сиять и лучиться, как солнце в дымке, превращаясь в другое лицо, забытое и родное, — такое родное, что из Барбарис сами собой хлынули слезы, целый поток давно удерживаемых в себе, пекучих слез...

Комната, скрытая в полумраке, расплылась и канула в никуда...

— ... Что такое? — спросил знакомый голос. — Тэбе прыснился кошмар?

Варя, захлебываясь от слез и еще ничего не понимая, инстинктивно нащупала рядом теплое тело и ткнулась в него, как карапуз. Мягкая рука гладила ее по волосам и спине, и от ее прикосновений Варю сотрясали все более и более сильные спазмы плача.

Руки вдруг исчезли. Сквозь сжатые веки засветился желтый свет. «Не открывай глаза. Не открывай. Не открывай!...» — шептал какой-то голос, но Варя не послушалась и открыла.

Перед ней была комната, освещенная не тусклым, а вполне обыкновенным электрическим светом. Над Варей склонилась озабоченная фигура.

— Что случилось? Тэбе плохо? Визвать скорую?

Реальность возвращалась постепенно, кусками, похожими на гроздья сцепленных пазлов.

— Где ты был? — пласкиво скулила Варя. — Куда ты ходишь по ночам? Я уже тут знаешь что... без тебя...

— Варя!... Ну прасты мэня. Я хадыл курыть. Нэ могу бэз курэва. Нэ получаэтся. С тобой эцё тэрплю, а ночью нэ могу заснуть...

Реальность оказалась простой, как их комната. Варя даже перестала плакать.

— А что в том ящике? — спросила она, будто этот вопрос прямо следовал из прежнего. — А? Почему ты его держишь на замке? Расскажи мне! Расскажи! — взяла она тоном выше, увидев, как муж кривится. — Расскажииии!..

— Падажды. Мнэ надо пазванить.

Муж взял мобилку и вышел в коридор. Удивленная Вари ловила: «ну и что, что ночь?... я тэбе столько заплаытл, что одну ночь нэ поспыш... плачэт, трэбуэт... что мнэ дэлать?... харашо... харашо...»

— Варя, — сказал он, когда вернулся. — Мне надо рассказать тэбе кое-что.

Варя молча смотрела на него.

— Дэло в том, что раньше я был... В общэм, я занимался нэхорошымы вэцамы. Я был сутэнёром. Содэржал прастытуток.

Варя молчала, пытаясь переварить услышанное.

— Я давно уже начал новую жизнь... Одын психолог, которому я сэйчас званыл, очэнь памог мнэ. Это он посоветовал жэниться, завэсти сэмыю... Он сказал, чтоби я тэбе всё рассказал. А в том ящике — докумэнты из моей прошлой жизни. Я храню их на тот случай, эсли мэня найдут маи врагы. Я нэ хотэл, чтоби ти нашла их... Что скажэш, Варя?

Она смотрела на него еще какое-то время, всхлипывая по инерции. Потом притянула мужа к себе, повалила на постель и прижалась к нему, вздыхая от облегчения.

Вздыхал и Максуд Асафович, улыбаясь так, как еще никогда не улыбался ей...

Уже рассвело. Когда Варя рассказала о своем сне, а потом благодарно отдалась мужу, морщась от удовольствия, солнце влезло нахальными лучами в комнату, и желтый свет лампы растворился в них без остатка.

Поцеловав Варю, муж ушел на работу. Ей тоже пора была ехать на пары, и она стала собираться, мурлыкая какую-то песенку.

Не прекращая петь, она открыла секретер, достала все ту же связку...

Никакого лишнего ключа на ней не было.

«Приснилось. Я так и думала» — сказала себе Варя. И подошла к зеркалу.

Зеркало как зеркало. Старинное, потемневшее от времени. Похолодев, Варя нагнула голову, будто хотела боднуть свое отражение — и ткнулась макушкой в холодное стекло.

Вздохнула и принялась рассматривать кожу у себя на голове, выискивая следы татуировки. Никаких следов не было.

Последние остатки ее сна растворились в привычной обстановке, освещенной дневными лучами. Варя рассмеялась своим страхам, потянулась кверху всем телом — и...

Застыв на носках, как статуя танцовщицы, она смотрела круглыми глазами на полосу синей копоты, отходящую от зеркала и пересекавшую потолок